

Шопенгауэр Артур

Полное собрание сочинений

Том IV

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Полное собрание сочинений: Том IV / Шопенгауэр Артур – М.: Книга по Требованию, 2024. – 693 с.

ISBN 978-5-521-31488-1

ISBN 978-5-521-31488-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

въ этой послѣдней оно сказывается опять-таки двойко, именно частью въ сужденіи о нашемъ собственномъ поведеніи, частью въ сужденіи о поступкахъ другихъ. Къ этому первоначальному понятію моральности стали примыкать впоследствии еще другія, на него опирающіяся. На этомъ то введеніи Академія и основываетъ свой вопросъ: гдѣ же надо искать *источникъ и основу морали*? Не въ первоначальной ли какой-нибудь идее моральности, которая быть-можетъ фактически и непосредственно дана въ сознаніи, или совѣсти?—тогда надлежало бы анализировать эту идею, а также вытекающія изъ нея понятія. Или же мораль имѣетъ какой-либо иной познавательный принципъ?—По-латыни тема, если отбросить несущественное и дать словамъ вполнѣ удобопонятное расположение, будетъ гласить: *Ubinam sunt quaerenda fons et fundamentum philosophiae moralis? Suntne quaerenda in explicatione ideae moralitatis, quae conscientia immediate contineatur? an in alio cognoscendi principio?* Этотъ послѣдній вопросъ самымъ яснымъ образомъ показываетъ, что вообще тутъ рѣчь идетъ о *познавательномъ принципѣ морали*. Для пущей празумительности прибавлю еще парафрастическое толкованіе данной темы. Введеніе исходитъ изъ двухъ вполнѣ эмпирическихъ положеній: „существуетъ фактически“, говоритъ оно, „*наука о морали*; фактъ точно такъ же, что въ *дѣйствительной жизни* сказывается наличность моральныхъ понятій, именно частью когда мы сами, въ своей совѣсти, дѣлаемъ моральную оцѣнку нашимъ собственнымъ поступкамъ, частью когда мы обсуждаемъ въ моральномъ отношеніи поступки другихъ. Равнымъ образомъ имѣются разнаго рода моральныя понятія, наиримѣръ, долгъ, вмѣняемость и т. п., съ которыми все считается. Во всемъ этомъ явно проглядываетъ какая-то неконная идея моральности, основная мысль о какомъ-то моральномъ законѣ, необходимость котораго однако особаго свойства, а не чисто-логическая, т. е. ее нельзя доказать, на основаніи одного закона противорѣчія, изъ подвергаемыхъ обсужденію поступковъ или изъ лежащихъ въ ихъ основѣ правилъ. Изъ этого моральнаго первопонятія вышли потомъ остальные главные моральныя понятія, которыя отъ него зависятъ, а потому съ нимъ нераздѣльны.—На что же все это опирается?—вѣдь рѣшеніе этого вопроса имѣетъ большое значеніе.—Поэтому Академія и предлагаетъ слѣдующую задачу: надо *искать* (*quaerenda sunt*) *источникъ, т. е. первоначало морали, ее основу*. Гдѣ же искать его? т. е. гдѣ можно его найти? Быть можетъ, въ какой-нибудь врожденной намъ *идее моральности*, содержащейся въ нашемъ сознаніи, или совѣсти? Въ такомъ случаѣ оставалось бы только проанализировать (*explicandis*) эту идею, вмѣстѣ съ зависящими отъ нея понятіями. Или же его надо искать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? т. е. не имѣетъ ли мораль своимъ источникомъ какой-либо совершенно иной познавательный принципъ нашихъ обязанностей, нежели

только что приведенный въ видѣ предположенія и примѣра?“—Таково содержаніе введенія и темы, выраженное пространнѣе и яснѣе, но вполнѣ правильно и точно.

У кого же останется теперь хотя бы — малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что Королевская Академія спрашиваетъ объ *источникѣ*, первомъ началѣ, основѣ, послѣднемъ познавательномъ принципѣ *морали*? — Но въдѣ у *морали* безусловно не можетъ быть иного источника и основы, чѣмъ у самой *моральности*: ибо что теоретически и въ идеѣ есть *мораль*, то практически и реально будетъ *моральностью*. Но источникомъ *моральности* необходимо должно быть послѣднее основаніе ко всякому морально добропорядочному поведенію: это именно основаніе должно, такимъ образомъ, выставить съ своей стороны также и *мораль*, чтобы опираться и ссылаться на него во всемъ, что она предписываетъ человѣку, — если только она не желаетъ диктовать свои предписанія совершенно произвольно или строить ихъ на ложной основѣ. Она должна, слѣдовательно, указать это послѣднее основаніе всякой моральности: ибо оно служить красугольнымъ камнемъ ея научныхъ построеній, какъ въ немъ же черпаетъ свое начало практическая моральность. Это и есть, безспорно, то *fundamentum philosophiae moralis*, о которомъ спрашиваетъ тема: ясно, стало-быть, какъ день, что тема дѣйствительно предлагаетъ искать и выставить *принципъ этики*, „*ut principium aliquod Ethicae conderetur*“, не въ смыслѣ просто высшаго предписанія, основного правила, а какъ *реальную основу всякой моральности и потому познавательную основу морали*. — А межъ тѣмъ рецензія *отрицаетъ* это, говоря, что мой трактатъ не можетъ быть премированъ въ вилу такого моего пониманія задачи. Но такъ пойметъ и долженъ понять ее всякій, кто прочтетъ тему: это прямо напечатано тамъ въ ясныхъ, недвусмысленныхъ выраженіяхъ и не можетъ быть толкуемо иначе, пока слова латинскаго языка сохраняютъ свой смыслъ.

Я пустился здѣсь въ подробности: но это дѣло важное и достойное вниманія. Ибо изъ сказаннаго съ несомнѣнностью явствуетъ, что, по словамъ Академіи, она не задавала вопроса, который, очевидно и безспорно, ею былъ заданъ. Она утверждаетъ напротивъ, что спрашивала нѣчто иное. Именно, главнымъ предметомъ конкурсной темы (только ее можно разумѣть подъ словами *ipsum thema*) была будто бы *связь между метафизикой и моралью*. Пусть теперь читатель соблаговолитъ взглянуть, содержится ли объ этомъ хоть *одно слово* въ самой темѣ или во введеніи: ни звука, ни намекъ даже. Въдѣ кто спрашиваетъ о связи двухъ наукъ, тотъ долженъ по крайней мѣрѣ ихъ объ назвать, — но о метафизикѣ не упоминается ни въ темѣ, ни въ введеніи. Впрочемъ, вся эта главная фраза въ отзывѣ станетъ яснѣе, если вмѣсто-

извращенной конструкции дать ей естественную, такъ что, при сохраненіи совершенно тѣхъ же самыхъ выраженій, она будетъ гласить: *Ipsum thema ejusmodi disputationem flagitabat, in qua vel praeipuo loco metaphysicae et ethicae nexus consideraretur: sed scriptor, omisso eo, quod potissimum postulabatur, hoc expeti putavit, ut principium aliquod ethicae conderetur: itaque eam partem commentationis suae, in qua principii ethicae a se propositi et metaphysicae suae nexum exponit, appendicis loco habuit, in qua plus, quam postulatum esset, praestaret.* Да вопросъ о связи между метафизикой и моралью совершенно не вяжется и съ той точкой зрѣнія, изъ которой исходитъ *введеніе* къ темѣ: вѣдь послѣднее начинается съ *эмпирическихъ* замѣчаній, ссылагается на моральные сужденія, имѣющія примѣненіе *въ обыденной жизни* и т. п., затѣмъ спрашиваетъ, на чемъ же все это въ концѣ концовъ основано?—и наконецъ предлагаетъ, какъ примѣръ возможнаго рѣшенія, врожденную, данную въ сознаніи идею моральности, т. е. въ своемъ примѣрѣ, въ видѣ опыта и гадательно, принимаетъ за рѣшеніе чисто-психологическій фактъ, а не какое-либо метафизическое умозрѣніе. Но изъ этого ясно можно заключить, что тутъ высказано требованіе, чтобы мораль была обоснована на какомъ-либо фактѣ, въ сознаніи ли, или во внѣшнемъ мірѣ, а не желаніе видѣть ее выведенной изъ фантазій какой-либо метафизики: поэтому Академія съ полнымъ правомъ могла бы отвергнуть сочиненіе, разрѣшающее вопросъ этимъ послѣднимъ способомъ. Падъ этимъ стоитъ подумать. А тутъ еще присоединяется и то обстоятельство, что якобы выставленный, хотя нигдѣ не выраженный вопросъ о *связи между метафизикой и моралью* совершенно не допускаетъ отвѣта и, слѣдовательно, если признать за Академіей хоть какое-нибудь пониманіе дѣла, былъ бы *невозможенъ*: на него *не можетъ быть отвѣта* потому именно, что *просто метафизики* нѣтъ, а существуютъ лишь различныя (притомъ въ высшей степени различныя) *метафизики*, т. е. всякаго рода попытки къ метафизикѣ, — ихъ очень много, именно столько, сколько когда-либо было философовъ, такъ что каждая изъ нихъ есть совершенно иную пѣсню, и потому всѣ онѣ въ корнѣ расходятся и разногласятъ одна съ другой. Поэтому позволительно, конечно, спрашивать о связи между этикой и аристотелевской, эпикуровской, Спинозовской, Лейбницевской, Локковской или иной какой опредѣленно указанной метафизикой; но никогда и ни въ какомъ случаѣ нельзя спрашивать о связи между этикой и *метафизикой просто*, — ибо вопросъ этотъ былъ бы лишенъ всякаго опредѣленнаго смысла, предполагая соотношеніе между вещью данной и вещью совершенно неопредѣленной, быть можетъ — даже невозможной. Ибо пока не существуетъ признанная объективной и неоспоримая метафизика, т. е. *просто метафизика*, мы не знаемъ даже, возможна ли и вообще то подобная

метафизика, а также—какова она будетъ и можетъ быть. Если впрочемъ возразить, что у насъ все-таки есть совершенно общее, стало-быть, конечно, неопредѣленное понятіе о *метафизикѣ вообще*, съ точки зрѣнія котораго и можно было бы спросить о связи вообще между этой метафизикой *in abstracto* и этикой, то съ этимъ придется согласиться; однако отвѣтъ на взятый въ этомъ смыслѣ вопросъ былъ бы настолько легокъ и простъ, что смѣшно было бы назначать за него премію. Именно, онъ не могъ бы заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ только въ утвержденіи, что истинная и законченная метафизика должна доставить прочную опору, послѣднія основанія, также и этикѣ. Къ тому же, эта мысль развита мною въ самомъ первомъ параграфѣ моего трактата, гдѣ я между трудностями предстоящей мнѣ задачи въ особенности отмѣчаю то, что она, по самому своему характеру, исключаетъ обоснованіе этики съ помощью какой-либо данной метафизики, которая служила бы отправнымъ пунктомъ и на которую можно было бы опереться.

Итакъ, въ предыдущемъ мною неопровержимо доказано, что Королевская Датская Академія дѣйствительно поставила вопросъ, отъ котораго она отрекается; вопросъ же, который, по ея словамъ, она задала, *не* былъ, да и не могъ быть ею заданъ. Такое поведеніе Королевской Датской Академіи, по выставленному мною моральному принципу, будетъ, конечно, неправильнымъ, но такъ какъ она моего моральнаго принципа не признаетъ, то для нея само собою найдетъ какой-нибудь другой, согласно которому она будетъ права.

А на то, о чемъ *дѣйствительно* спрашивала Датская Академія, мною данъ точный отвѣтъ. Прежде всего, въ *отрицательномъ* отдѣлѣ трактата, я изложилъ, что за принципомъ этики надо обращаться не туда, гдѣ въ послѣднія 60 лѣтъ съ увѣренностью принимаютъ его мѣстопробываніе. Затѣмъ, въ *положительномъ* отдѣлѣ, я раскрылъ подлинный источникъ морально достохвалныхъ поступковъ и дѣйствительно *доказалъ*, что они исходятъ изъ этого источника и ни откуда болѣе исходить не могутъ. Въ заключеніе я выяснилъ связь, въ какой эта реальная основа этики стоитъ—не съ *моей* метафизикой, какъ ложно утверждаетъ рецензія, да и вообще не съ какой-либо определенной метафизикой,—а съ общей основною мыслью, присущей очень многимъ метафизическимъ системамъ, быть можетъ—большинству, несомнѣнно во всякомъ случаѣ—древнѣйшимъ, по моему мнѣнію наиболѣе истиннымъ изъ нихъ. Этотъ метафизическій очеркъ данъ мною не въ качествѣ приложенія, какъ говорится въ рецензіи, а въ качествѣ послѣдней главы трактата: это—заключительный камень всего построенія, завершающая его высшая точка зрѣнія. Если я при этомъ упомянулъ, что даю здѣсь больше, чѣмъ собственно требуется темою, то это именно потому, что послѣдняя ни однимъ словомъ не указываетъ на метафизи-

ческое истолкованіе вопроса, а тѣмъ менѣе будто бы его только собственно и имѣеть въ виду, какъ утверждаетъ это рецензія. Впрочемъ, будетъ ли этотъ метафизическій разборъ прибавленіемъ, т. е. чѣмъ-то, представляющимъ собою излишекъ сравнительно съ тѣмъ, что требовалось, или нѣтъ,—это вещь второстепенная, даже прямо безразличная: достаточно, что онъ имѣется. Если же рецензія *это* желаетъ поставить мнѣ въ вину, то въ этомъ обнаруживается то затруднительное положеніе, въ которомъ очутились ея авторы: они хватаются за все, чтобы только найти какое-нибудь возраженіе противъ моей работы. И по самой природѣ дѣла, Впрочемъ, названный метафизическій очеркъ долженъ былъ составить заключеніе трактата. Ибо будь онъ предпосланъ въ началѣ, принципъ этики пришлось бы выводить изъ него *синтетически*,—а это возможно было бы въ томъ лишь случаѣ, если бы Академія указала, какую изъ многочисленныхъ, столь рѣзко различающихся между собою метафизикъ, угодно ей выбрать для выведенія этического принципа: но истинность послѣдняго была бы тогда въ полной зависимости отъ принятой при этомъ метафизики, т. е. оставалась бы проблематичной. Такимъ образомъ, характеръ вопроса дѣлалъ необходимымъ *аналитическое* обоснованіе морального первопринципа, иными словами обоснованіе, которое черпается изъ дѣйствительнаго строя вещей, безъ предположенія какой-либо метафизики. Именно потому, что въ новѣйшее время путь этотъ всѣми былъ признанъ за единственно надежный, *Кантъ* и попытался обосновать моральный принципъ аналитически, независимо отъ всякихъ метафизическихъ предпосылокъ, какъ это сдѣлали еще раньше англійскіе моралисты. Вновь отказываться отъ этого метода было бы явнымъ шагомъ назадъ. Если бы Академія все-таки этого требовала, она должна была бы по крайней мѣрѣ самымъ опредѣленнымъ образомъ это высказать: но въ ея темѣ нѣтъ даже и намекъ на подобное требованіе.

Если ужъ Датская Академія великодушно умолчала объ основномъ недостаткѣ моего труда, то и у меня нѣтъ причины открывать его. Боюсь только, что это намъ нисколько не поможетъ,—ибо предвижу, что чутье проищательнаго читателя все-таки наведетъ его на слѣдъ и укажетъ, гдѣ дѣло нечисто. Можетъ, пожалуй, ввести его въ заблужденіе то обстоятельство, что мой норвежскій трактатъ по крайней мѣрѣ въ такой-же степени страдаетъ этимъ самымъ основнымъ недостаткомъ. Правда, это не помѣшало Королевской Норвежской Академіи увѣичать мою работу. Зато и принадлежать къ этой Академіи есть честь, значеніе которой я съ каждымъ днемъ начинаю яснѣе видѣть и полнѣе цѣнить. Ибо, какъ истинная Академія, она не знаетъ никакихъ иныхъ интересовъ, кромѣ интересовъ истины, свѣта, содѣйствія человѣческому пониманію и познанію. Академія не религіозный трибуналъ. Но прежде чѣмъ предлагать въ качествѣ конкурентовъ темъ столь высокіе, серъ-

сзные и опасные вопросы, какъ оба тѣ, которымъ посвящены эти два трактата, каждая Академія должна, конечно, отдать себѣ самой отчетъ и твердо установить, дѣйствительно ли она готова публично стать на сторону истины, что бы послѣдняя ни гласила (ибо какова будетъ истина, этого она заранѣе знать не можетъ). Въдѣ потомъ, когда на серьезный вопросъ послѣдуетъ серьезный отвѣтъ, поздно уже брать его назадъ. И разъ уже приглашенъ каменный гость, то при его приходѣ даже донъ-Жуанъ — слишкомъ джентльмэнъ, чтобы отрекаться отъ своего приглашенія. Опасенія за послѣдствія и есть, безъ сомнѣнія, та причина, почему европейскія академіи обычно весьма остерегаются выставлать подобныя темы. Въ самомъ дѣлѣ, два разработанные здѣсь конкурсные вопроса—первые въ этомъ родѣ, съ которыми, насколько я помню, пришлось мнѣ встрѣтиться въ жизни: поэтому-то, pour la rareté du fait я и взялся дать на нихъ отвѣтъ. Ибо хотя мнѣ давно уже стало ясно, что я слишкомъ серьезно отношусь къ философіи, чтобы могъ сдѣлаться ея профессоромъ, но я все-таки не думалъ, что тотъ же самый порокъ можетъ повредить мнѣ и въ глазахъ какой-либо академіи.

Второй недостатокъ моего трактата выраженъ Королевской Датской Академіей въ словахъ: *Scriptor neque i,sa disserendi forma nobis satisfacit* („авторъ не удовлетворилъ насъ и самой формой диссертациі“). Противъ этого возражать нечего: это—субъективное сужденіе Королевской Датской Академіи ¹⁾, для иллюстраціи котораго я публикую мой трудъ, присоединивъ къ нему рецензію, чтобы она не утратилась, а сохранилась въ цѣлости.

ἔσ' ἄν ὕδωρ τε ῥέη, καὶ δένδρεα μακρὰ τεθῆλη,
ἥελιός τ' ἀνιῶν φαίνει, λαμπρὴ τε σελήνη,
καὶ ποταμοὶ πλήθωσιν, ἀνακλύζει δὲ θάλασσα,—
ἀγγελέω παρῑοῦσι, Μίδας ὅτι τῇδε τέθραπται ²⁾.

(„Пока течетъ вода и цвѣтутъ высокія деревья, свѣтитъ восходящее солнце и ясная луна, пока рѣки несутъ полныя воды и плещется море,—буду вѣщать проходящимъ, что здѣсь погребенъ Мидасъ“).

Замѣчу при этомъ, что я даю здѣсь трактатъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ отправленъ въ Академію, т. е. въ немъ не сдѣлано никакихъ

¹⁾ Sie sagen: das muthet mich nicht an!
Und meynen, sie hätten's abgethan.

Гѣме.

Добавлено во второмъ изданіи.

(„Они гонорятъ: это мнѣ не по вкусу!—и мнѣтъ, что этимъ дѣло покопчено“).

²⁾ Послѣдній стихъ былъ въ перномъ изданіи опущенъ, въ предположеніи, что читатель самъ его пополнитъ.

поправокъ, никакихъ измѣненій: немногія же коротенькія и неосуществленныя добавленія, внесенныя мною уже послѣ его отсылки, отмѣчены крестикомъ въ началѣ и концѣ каждаго изъ нихъ, чтобы предупредить всякіе отводы и оговорки ¹⁾.

Рецензія добавляетъ къ вышеприведенному: *neque reapse hoc fundamentum sufficere evicit* („да и на самомъ дѣлѣ онъ не доказалъ достаточность этой основы“). Въ отвѣтъ я сошлюсь на то, что мое обоснованіе морали дѣйствительно и серьезно мною *доказано*, съ строгостью, близкой къ математической. Относительно *морали* я не имѣлъ себѣ въ этомъ предшественниковъ, и это стало для меня возможно лишь благодаря тому, что, глубже, чѣмъ кто-либо до меня, проникнувъ въ природу человѣческой воли, я вскрылъ и обнажилъ три ея конечныхъ пружины, которыми опредѣляются всѣ ея дѣйствія.

Мало того, въ рецензіи слѣдуетъ далѣе еще: *quin ipse contra esse confiteri coactus est* („даже самъ онъ вынужденъ высказаться противъ“). Если это должно означать, будто я самъ объявилъ свое обоснованіе морали недостаточнымъ, то читатель убѣдится, что объ этомъ нѣтъ и рѣчи, и ничего подобнаго мнѣ не приходило въ голову. Быть можетъ, однако, этой фразой имѣлось въ виду сдѣлать намекъ на высказанное мною въ одномъ мѣстѣ замѣчаніе, что порочность противоестественныхъ удовольствій сладострастія нельзя выводить изъ того же принципа, что и добродѣтели справедливости и челоуколюбія: но это значило бы изъ мухи дѣлать слона и было бы только еще новымъ подтвержденіемъ того, что для бракованія моей работы готовы были ухватиться за что угодно. Въ заключеніе и на прощанье Королевская Датская Академія дѣлаетъ мнѣ затѣмъ еще рѣзкій выговоръ, на что я не могу признать за ней права, даже если бы поводъ къ нему былъ основательнымъ. Я постараюсь, поэтому, чтобы выговоръ этотъ не пропалъ для нея даромъ. Онъ гласитъ: *plures recentioris aetatis summos philosophos tam indecenter commemorari, ut justam et gravem offensionem habeat* („о нѣкоторыхъ *величайшихъ философахъ* новѣйшаго времени отзывается такъ неприлично, что возбуждаетъ справедливое и сильное негодованіе“). Эти *summi philosophi*, оказывается, — *Фихте* и *Гегель*! Ибо только о нихъ я высказался въ сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, слѣдовательно — только къ нимъ возможно было бы еще отнести употребленную Датскою Академіею фразу: и конечно, заключающійся въ ней упрекъ, самъ по себѣ, былъ бы даже справедливъ, если бы люди эти дѣйствительно были *summi philosophi*. А въ этомъ единственно и заключается здѣсь все дѣло.

¹⁾ Это имѣютъ силу лишь для перваго изданія: въ настоящемъ же крестикъ опущенъ, потому что въ нихъ есть нѣчто мѣняющееся; къ тому же теперь присоединилось много новыхъ добавленій. Такимъ образомъ, кто желаетъ познакомиться съ трактатомъ совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ посланъ Академіи, тотъ долженъ обратиться къ первому изданію.

Что касается *Фихте*, то въ своемъ трактатѣ я лишь повторилъ и развилъ отзывъ, высказанный мною уже 22 года назадъ, въ моемъ главномъ трудѣ. Въ настоящемъ произведеніи я только мотивировалъ этотъ отзывъ въ спеціально *Фихте* посвященномъ обстоятельномъ параграфѣ, изъ котораго достаточно явствуетъ, насколько авторъ этотъ далекъ отъ того, чтобы быть *summus philosophus*: но я все-таки поставилъ его, какъ „человѣка съ талантомъ“, гораздо выше *Гегеля*. Только надъ этимъ послѣднимъ я безъ комментаріевъ произнесъ мое безусловное осужденіе въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ. Ибо, по моему убѣжденію, онъ не только не имѣетъ никакихъ заслугъ передъ философіей, но оказалъ на нее и черезъ это вообще на всю нѣмецкую литературу крайне пагубное, по-истинѣ отупляющее, можно сказать—тлетворное вліяніе: выступать при всякомъ удобномъ случаѣ съ самымъ энергичнымъ противо-дѣйствіемъ этому — есть долгъ каждаго, кто способенъ самостоятельно судить. Въдѣ если будемъ молчать мы, кто же будетъ тогда говорить? Такимъ образомъ, на ряду съ *Фихте* сдѣланный мнѣ въ концѣ рецензіи выговоръ имѣетъ въ виду *Гегеля*: объ немъ-то именно, такъ какъ ему всего больше досталось, и идетъ прежде всего рѣчь, когда Королевская Датская Академія говоритъ о *recentioris aetatis summis philosophis*, къ которымъ я будто бы непримѣчнымъ образомъ не проявилъ должнаго почтенія. Итакъ, она публично, съ того же самаго судейскаго кресла, съ котораго ею съ безусловнымъ порицаніемъ отвергаются труды подобные моему, объявляетъ Гегеля за *summus philosophus*.

Когда соединившіеся въ заговоръ для прославленія ничтожествъ журнальные писакл, когда наемные профессора гегельщины и алчущіе ихъ кафедръ приватъ-доценты эту заунывнѣйшую голову, но незауряднаго шарлатана неустанно и съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ во всѣ четыре стороны міра превозносятъ за величайшаго философа, какого когда-либо видѣлъ міръ, то это не заслуживаетъ серьезнаго вниманія,—тѣмъ болѣе что грубая корыстность такого недостойнаго поведенія постепенно должна дѣлаться очевидной даже малоопытному человѣку. Но когда дѣло доходитъ до того, что нашъ философскихъ дѣлъ мастеръ обрѣтаетъ себѣ защиту въ иностранной академіи, величающей его *summus philosophus* и даже позволяющей себѣ оскорблять человѣка, который честно и безстрашно выступаетъ противъ ложной, проискамы, деньгами и солидарною ложью добытой славы, выступаетъ съ энергіей, какая необходима по отношенію къ подобному наглomu расхваливанью и навязыванью того, что фальшиво, негодно и гибельно для ума,—то это уже вещь серьезная: ибо имѣющій такую санкцію отзывъ можетъ вовлечь несвѣдущихъ въ большое и вредное заблужденіе. Его вліяніе надо, слѣдовательно, *нейтрализовать*, а такъ какъ у меня нѣтъ авторитета акаде-

ми, миѣ приходится прибѣгнуть къ основаніямъ и доказательствамъ. И я хочу поэтому изложить ихъ здѣсь въ такой ясной и понятной формѣ, что они, можно надѣяться, заставятъ Датскую Академію помнить на будущее время о совѣтѣ Горация:

Qualem commendes, etiam atque etiam adspice, ne mox
Inventiant aliena tibi peccata pudorem.

(„Если кого рекомендуешь, присмотришь къ тому очень и очень, чтобы тебѣ не пришлось потомъ стыдиться за чужіе грѣхи“).

Итакъ, если въ этихъ видахъ я скажу, что такъ называемая философія этого *Гегеля* — колоссальная мистификація, которая еще у нашихъ потомковъ будетъ служить неисчерпаемымъ матеріаломъ для насмѣшекъ надъ нашимъ временемъ; что она — всякія умственные способности расслабляющая, всякое подлинное мышленіе заглушающая и на мѣсто его, съ помощью беззаконнѣйшаго злоупотребленія словами, пустѣйшую, бессмысленнѣйшую, нелѣпѣйшую и потому, какъ показываютъ результаты, помрачительнѣйшую словесную чепуху поставляющая псевдо-философія, которая, имѣя своимъ ядромъ невѣдомо откуда взятую и вздорную выдумку, не знаетъ ни основаній, ни слѣдствій, т. е. ничѣмъ не доказывается и сама ничего не доказываетъ и ничего не объясняетъ, и къ тому же, лишенная оригинальности, является простою пародіей на схоластическій реализмъ и вмѣстѣ на спинозизмъ, — чудовище, долженствующее притомъ же еще, съ своей обратной стороны, представлять собою христіанство:

πρόσθε λέων, ὀπίθεν δὲ δράκων, μέσση δὲ χίμαιρα
(„спереди левъ, сзади драконъ, посреди же коза“),

— то я буду правъ. И если я скажу далѣе, что этотъ *summus philosophus* Датской Академіи размазывалъ бессмыслицу, какъ ни одинъ смертный до него, такъ что кто можетъ читать его наиболѣе прославленное произведеніе, такъ называемую „Феноменологію духа“¹⁾, не испытывая въ то же время такого чувства, какъ если бы онъ былъ въ домѣ умалишенныхъ, — того надо считать достойнымъ этого мѣстожительства, — то я буду не менѣе правъ. Но Датская Академія можетъ, пожалуй, здѣсь извернуться, заявивъ, что высокія ученія этой мудрости недоступны низменнымъ интеллектамъ, подобнымъ моему, и что то, что миѣ кажется бессмыслицей, на самомъ дѣлѣ — бездонное глубокомысліе. Миѣ надо, стало-быть, поискать какой-нибудь болѣе надежный пріемъ,

¹⁾ Именуется собственно „Система науки“, Бамбергъ 1807. Его надлежитъ читать въ этомъ первоначальномъ изданіи, такъ какъ въ *opetibus omnibus* оно, говорить, нѣсколько прилично надателомъ-assecla („прихвостнемъ“).

который дѣйствовалъ бы навѣрняка, и такъ прижать противника къ стѣнѣ, чтобы для него не было уже никакого выхода. Поэтому я теперь непрерываемо докажу, что у этого *summus philosophus* Датской Академіи не доставало даже обыденнаго здраваго смысла, несмотря на всю его обыденность. А что и безъ него можно быть *summus philosophus*, такого тезиса Академія не выставить. Для подтвержденія же своихъ словъ я приведу *три* различныхъ примѣра, при чемъ примѣры эти будутъ взяты изъ той книги, гдѣ Гегель наиболѣе долженъ былъ бы отдать себѣ отчетъ, сосредоточиться и подумать надъ тѣмъ, что онъ писалъ, — именно изъ его учебнаго компендія, озаглавленнаго „Энциклопедія философскихъ наукъ“ — книги, которую одинъ гегельянецъ назвалъ библіей гегельянцевъ.

Итакъ, тамъ, въ отдѣлѣ „Физика“ § 293 (второе изданіе 1827 г.) онъ говоритъ объ удѣльномъ вѣсѣ, именуящемся у него удѣльной тяжестью, и, оспаривая положеніе, что вѣсъ этотъ зависитъ отъ различія въ скважности, пользуется такого рода аргументомъ: „Примѣромъ *существующей* спецификаціи тяжести служить то явленіе, что желѣзная палка, поддерживаемая въ равновѣсіи на своей точкѣ опоры, *подвергаясь дѣйствію магнита*, теряетъ свое равновѣсіе и оказывается теперь на одномъ своемъ полюсѣ тяжеле, нежели на другомъ. Здѣсь одна часть испытываетъ такую перемѣну, что, безъ измѣненія объема, становится болѣе тяжелой; такимъ образомъ, матерія, масса которой не увеличилась, стала *удѣльно* тяжеле“. — Здѣсь, стало-быть, *summus philosophus* Датской Академіи дѣлаетъ такое заключеніе: „Если палка, подпертая въ своемъ центрѣ тяжести, станетъ потомъ тяжеле на одномъ своемъ концѣ, то она наклонится въ эту сторону; но желѣзная палка, подвергнутая дѣйствію магнита, опускается однимъ своимъ концомъ — слѣдовательно, она стала тутъ тяжеле“. Достойная аналогія къ выводу: „Все гуси имѣютъ двѣ ноги, у тебя двѣ ноги, слѣдовательно, ты — гусь“. Ибо приведенный въ категорическую форму гегелевскій силлогизмъ гласитъ: „Все, что становится тяжеле на одной сторонѣ, наклоняется въ эту сторону; эта палка подъ дѣйствіемъ магнита наклоняется однимъ своимъ концомъ, слѣдовательно — она стала здѣсь тяжеле“. Такова силлогистика нашего *summi philosophi* и реформатора логики, которому, къ сожалѣнію, забыли вполковать, что *e meris affirmativis in secunda figura nihil sequitur*. Говоря же серьезно, уже сама *врожденная* логика дѣлаетъ такого рода заключенія невозможными для всякаго здраваго и праваго разсудка; и именно ся отсутствіе обозначается словомъ *недомыслие*. Нѣтъ нужды разъяснять, насколько учебникъ, содержащій подобнаго рода аргументаціи и толкующій о пріобрѣтеніи тѣлами болѣшей тяжести безъ увеличенія ихъ массы, способенъ направить вкривь и вкось здравый разсудокъ молодыхъ людей. — Вотъ первый образчикъ.

Второй примѣръ, свидѣтельствующій объ отсутствіи у *summus philo-*